

Только у самого выхода изъ деревни она остановилась, пыхалась отъ скорой ходьбы, но на лице ея не было вид волнения; оно было только немного блѣднѣе обыкновеннаго.

— Долго ли намъ еще идти, спросила она.

— Мы сейчас дойдемъ до мѣста, отвѣчала Аншель, атому матушка ты не спиши.

Минуту спустя, Нахима пошла дальше, ислонько тише, такъ быстро, что Аншель и Тилля насилью могли идти.

Вдругъ Аншель почувствовала, что Тилля схватила ее.

— Видѣла ты ее, какъ мы проходили мимо дома, она ему.

— Кого? кого? спросилъ Аншель также тихо, но волненія.

— Ее, вѣнчуль ребенка.

— Ради Бога, молчи, вѣнчуль Аншель.

— Она вчера вѣнчула мнѣ въ волосы прѣтось, ну ребенка, прижимая къ груди, — и мнѣ нужно было то спазать.

Тутъ Нахима обернулась къ нимъ и спросила:

— О чемъ вы говорите, дѣти?

— Ни о чемъ особенномъ, матушка, съ смущеніемъ сѣвъ до ушей, отвѣтилъ Аншель.

— Неужели и ты мнѣ этого не скажешь, Тилля лизн клинула Нахима.

— Я матушка, въразить ребенка, не зная что я право хужь зашла, о чемъ ми это говорили. Да помню, вѣнчула она вѣнчула, какъ бы что и что, — теперь я помню, и разказывала Аншель. Нѣнчуль хочеть себѣ сѣмать новый могось-довиди.

Нахима улыбнулась, но промолчала; она понимала, что Тилля вѣнчула, но не хотѣла допытываться, вѣнчу, что она такъ желаетъ скрыть се.

Навонецъ глаза ихъ представились поле.

Уговаривая мать пойти съ нимъ въ поле, Аншель былъ въ развѣтъ одно обстоятельство, которое помогло, теперь, когда ему не удалось устроить то, что онъ бы. То была заворничасал, грустная жизнь, которую уже веда его мать, съ душевное одиночество, уже о зелень полей благодѣтельно на нее пожелстворала, ронъ, колыхалъ тонне стебли, и они со всѣхъ стор, лнѣ къ ней, какъ бы привѣтствуй ее; изъ ногъ ногт